

302919

Александр Романов

ПРИЗНАНИЕ ДРУЗЬЯМ

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

ПРИЗНАНИЕ ДРУЗЬЯМ

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ОБЛАСТНАЯ КНИЖНАЯ РЕДАКЦИЯ
Вологда 1956

69 + Кр + КИИ
Р₂

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

Александр Александрович Романов родился в 1930 году в деревне Петряево, Биряковского района, Вологодской области, в семье сельского учителя.

В 1948 году окончил педучилище, а в 1952 году — педагогический институт в гор. Вологде, после чего стал работать в вологодской молодежной газете.

Печататься начал, еще будучи студентом, в областной газете «Красный Север». Затем его стихи публиковались в нескольких вологодских литературных сборниках, после этого — в журналах «Новый мир», «Смена», «Молодой колхозник», в газете «Комсомольская правда».

«Признание друзьям» — его первая книга.

* * *

Кругом вода сильна, нетороплива.
Заката краски сдержанно-пестры.
То тут, то там раскидистые ивы
Горят в лучах, как желтые костры.

За ними, как туманные полосы,
Стоят в воде ольховые кусты,
И моются застенчиво березки,
Хотя безукоризненно чисты.

И каждый ствол, и каждый голый кустик
В себе уверен, ждет поры такой,
Когда и он торжественно распустит,
Раскинет зонт зеленый над собой.

... И мы с тобой, товарищ, верим тоже,
Когда вокруг восторженно глядим,
Что лучший день у нас еще не прожит,
Что все-таки он где-то впереди.

* * *

Отец мой был порою молчалив.
С холма любясь на родные дали,
Где луг лежал в тумане, как залив,
А над рекой березняки сверкали,

Он выдыхал, волнуясь, только: «Эх!..»
И это слово у него звучало
Красноречивей и нежнее всех,
Хотя их в нашем языке немало.

Быть может, гордость в слове том была
За то, что этих чащ и просек этих,
И этих песен русского села —
Уж он-то знал — прекрасней нет на свете.

И было ясным в слове лишь одно —
В нем неизменно всякий раз звучала
Любовь такая к стороне родной,
Что слов для выраженья не хватало.

* * *

Заговорят о красоте России,—
И предо мною словно оживет
Знакомый мокрый луг, где мы косили,
Реки неторопливый поворот.

И братство сосен и березок гибких,
За ними — лес в бескрайности своей,
Где солнце вьет сверкающие нитки
Сквозь толщу хвои, листьев и ветвей...

Заговорят о крепости России —
И сразу взгляд мой станет горд и смел:
Замечу над собою в небе синем
Широкий почерк реактивных стрел.

А оглянусь — везде друзей увижу
В спецовках, в робах, в майках, в кителях
На стройках дальних городов и ближних,
На тропках, затерявшихся в полях.

Когда же о величии России
Заговорят — я вспомню всякий раз
Родного Ильича черты живые,
Прищур неповторимый мудрых глаз,

И смятую в порыве жарком кепку,
Откинутую полу пиджака,
И зов руки у пламенного древка,
Простертой над Отчизною в века!

КОРРЕСПОНДЕНТ

Уже который день кочую
По дальним селам и лесам.
В Домах крестьянина ночую,
Порой обед готовлю сам.

Хожу пешком, трясусь в трехтонке,
В седле качаюсь иногда.
Снежок похрустывает звонко,
Дымится около следа.

Со мной блокнот. А в том блокноте
Имен и встреч не перечесть,
В нем наши новые заботы,
В нем грусть, и боль, и радость есть.

Он весь исчеркан, испомечен,
И любо думать мне о том,
Что после каждой новой встречи
Все больше теплых строчек в нем.

* * *

Вдалеке от суматошных станций,
Где-то между ними, в нужный час,
Приходилось многим расставаться
С поездом особенным не раз.

Ездят в нем молочницы с базара,
С выставки свинарки, чабаны,
Девушки веселые и парни —
Здесьних мест певцы и плясуны.

На любом разъезде незаметном
Постоит он несколько минут,
И его по деревням за это
Просту «колхозником» зовут.

Шумные, бывалые вагоны...
В них услышишь ты наверняка
Писк цыплят в корзине запыленной
И басок лохматого щенка.

... Рядом ельник молодой несется,
Проплывают села иногда,
Пролетают крашенные солнцем,
Быстрые большие поезда.

Им знакомы горизонтов дали,
И любой вокзал для них не нов.
Сколько раз они свой дым вплетали
В дымы знаменитых городов!

А «колхозник» этого не видел.
Он ползет, не сетуя, вперед,
На свое призванье не в обиде,—
Очень много у него забот.

Лишь взметнет гудок в тиши сосновой, - -
И выходит к полотну народ.
— Вон идет, идет «колхозник» снова! - -
Полустанок радостно вздохнет.

... Да, наверно, много сделать надо,
Выбрав путь по силе и уму,
Чтобы люди так вот были рады
Всякий раз приходу твоему.

СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА

Твои подруги замужем давно,
Учительницы сельской семилетки.
Ты их порой встречаешь у кино
И — что скрывать — завидуешь нередко.

Они к тебе нешумно подойдут:
Начальство все же — секретарь райкома.
И до сеанса несколько минут
Поговорят охотно о знакомых.

Мол, та родила и женился тот...
И ты за них, конечно, будешь рада.
Пойдешь одна — и на сердце падет
Неясная и тихая досада.

На что же? На кого же? Не понять...
Потом забудешь о досаде этой:
В райкоме заседания опять,
Беседы и вручение билетов.

И за день стольким руки ты пожмешь,
И в столько счастлих и несчастий вникнешь,
Что о себе ни разу не вздохнешь,
Не вспомнишь о раздумье о давнишнем.

И лишь когда останешься одна,
Когда мелькнут огни в тумане зыбком,
Почувствуешь ты снова, как нужна
Невстреченная до сих пор улыбка.

С Ч Е Т О В О Д

Его считали бюрократом,
Неисправимым сухарем.
Он выдавал у нас зарплату,
Не торопясь, в углу своем.

С лицом насупленно-суровым,
Невозмутимый счетовод
На шутку не промолвит слова
И даже глазом не моргнет.

И все высчитывает что-то,
Склонивши голову слегка,
И, как по клавишам, по счетам
Летает властная рука.

Никак не верилось девчатам,
Что может петь и плакать он,
Неисправимым бюрократом,
Казалось им, он был рожден.

Но как-то в тихую контору
Зашел знакомый почтальон,
Зашла та девушка, с которой
Уже не раз бранился он.

А тут как будто бы впервые
Взглянул он в добрые глаза,
Взглянул на волосы густые,
Взглянул — и краской залился.

И расписался на бумагах,
Не там, где нужно, в первый раз,
И перепутал их, бедняга,
И позабыл про них тотчас.

... Наутро, у дверей услышав,
Как пел в конторе счетовод,
Мы говорили: «Тише, тише!
Не заходите — пусть поет!».

ТРОЕ

На стене с твоим портретом рядом
Фотоснимки двух мужчин висят.
На один ты смотришь грустным взглядом:
Снят на нем молоденький солдат.

В гимнастерке, без погон, в пилотке,
На груди широкой нет наград:
Путь солдата был совсем коротким —
В самых первых схватках пал солдат.

... Пусть уже давно случилось это,
Годы пусть проходят чередой —
Как живой, глядит с того портрета
Он, твой первый муж, защитник твой...

Ты теперь живешь в согласьи с новым.
Трепетную память о былом
Этот не обидит резким словом:
Сам солдатом был, фронтовиком.

Он хороший, но его невольно
Сравниваешь с первым, с тем, порой,
И тебе всегда бывает больно,
Если в чем-то не похож второй.

Он поймет, конечно. Он заметит,
Что ты брови хмуришь неспроста...
Так живет незримо с вами третий,
Ваша память, верность, чистота.

* * *

Уж много дней, как сердится сосед:
При встречах не кивает головою,
Старается и взглядом не задеть,
Чтобы задеть большее за живое.

И я, приняв невозмутимый вид,
Слепым при встречах притворяюсь тоже...
А за окошком снег летит, летит,
На осторожных бабочек похожий.

Ложится на ухабы и на грязь,
На палисад и на кустарник частый...
Как чисто! Как торжественно сейчас!
Давай друг другу снова скажем: «Здравствуй».

616808
308919

ДОМАШНЯЯ ХОЗЯЙКА

Масло верещит на сковородках.
Печка докрасна накалена...
Ты в косынке, в платье коротком
Здесь колдуешь снова дотемна.

Жаришь, паришь, отдыха не зная,
Синий зной качается кругом.
И добро б — семья была большая,
А у вас два стула за столом.

Тот, кому готовится все это,
За столом сидит уже давно.
Тычет вилкой в жирную котлету,
Разливает крепкое вино.

Потный, красный, в вылинявшей майке,
Он доволен мастерством твоим.
Ну, а ты — как будто не хозяйка.
А официантка перед ним.

Похвалам его совсем не рада,
Вяло улыбаешься в ответ.
И в твоём похолодевшем взгляде
Прежнего сиянья больше нет.

* * *

С капустою на рынок городской
Приехала с попутчиками мать.
Ты повстречал, привел ее домой,
От радости не знал, чем угощать.

Она прошла возле стены бочком,
И сразу в тесной комнате твоей
Пахнуло сеном, теплым молоком,
Давно забытой свежестью полей.

И вновь душа заняла потому,
Что зря не пожалел когда-то ты
Ни тишины в бревенчатом доме,
Ни рослых трав и ни хлебов густых.

... Все про деревню рассказать просил
И опускал в раздумье грустный взгляд.
В тот час ты сам как будто гостем был,
Как будто был ты в чем-то виноват.

РОДНЫЕ МЕСТА

Ты где-то очень далеко живешь
От этих тихих и зеленых улиц,
Которые в желтеющую рожь
Своими огородами уткнулись.

И вот, бывает, вспомнятся они,
Занает сердце от нежданной боли,
И в отпуск, пусть на считанные дни,
Махнешь сюда — на речку, в лес и в поле.

И если ты вдали от этих мест,
Трудился честно, не кривил душою,
Тогда легко на сердце будет здесь,
Где все тебе давным-давно родное.

ВСТРЕЧА

Я осторожно в крайний дом стучу.
Хозяйка сразу открывает двери.
Ну, что же, говорит, переночуй,
Не нужен паспорт — мол, и так поверим.

Суровая и тихая на вид,
Петровной, как узнал я, величают.
... И вот она о жизни говорит
И пирогами потчует, и чаем.

Ну, а сама с меня не сводит глаз,
В них грусть такая, что неловко стало.
— Скажи, который год тебе сейчас?
Я пошутил, что, мол, еще не старый.

Она вздыхает тяжело в ответ:
— Напомнил ты, голубчик, мне о сыне.
С тех пор прошло уже пятнадцать лет,
Как на войне погиб, на Украине.

... Молчу, как будто в чем-то виноват —
И чай не допит, и пирог не тронут.
А чем же я похож на тех солдат,
Что в грозный год держали оборону?

Неужто только возрастом одним
Да внешнею какой-нибудь приметой?
Я знаю — непростительно живым
Похожими на них быть только этим!

* * *

В сиянье будущего дня
Я выхожу с порога
И тем, кто раньше встал меня,
Завидую немного.

У всех дела — спешит народ...
И так в стране повсюду:
С утра столица позовет —
И выйдут дружно люди.

И я утрами на заре
Встаю со всеми вместе,
Чтобы к друзьям придти скорей
И вновь трудиться честно.

Но лишь бы знать, но только б знать,
Что кто-то будет снова
Не раз, быть может, вспоминать
Тебя хорошим словом.

Но лишь бы знать, но только б знать,
Идя домой под вечер,
Что от твоих забот опять
Кому-то стало легче.

* * *

Нет ничего на свете горше,
Чем узнавать дурное в том,
Кому доверился всех больше,
С кем делишь хлеб и соль, и дом.

То в откровенном разговоре
Ты вдруг почувствуешь, что он
Сказал неправду и поспорил,
И не был (вот беда!) смущен.

То на письмо больного брата
Ответить во-время забыл,
То на собраньи трусовато
Начальству что-то говорил...

Да, в самом деле, горше нету,
Чем это в друге замечать,
Но хуже, хуже все заметить
И промолчать.

* * *

Цветная шапка абажура
В полночном светится окне.
А человек сидит и курит
С самим собой наедине.

И вспоминает очень строго
Свои ошибки и дела,
Начало путанной дороги
Из отдаленного села...

Ну, что ж, порой бывает надо
Вот так в полночной тишине
Себя окинуть долгим взглядом
И покурить наедине.

* * *

Я только вспомнил, что мне двадцать пять,
И сердце резко тронула тревога:
Что сделал я? О чем могу сказать?
Совершенно хорошего немного.

И слишком часто в будней тишине
Негаданно, незванно приходило
Ленивое спокойствие ко мне
И силу закипавшую гасило.

А ведь за это не прощают, нет —
У нас забот и трудных дел немало,
И сердцу, на котором партбилет,
Спокойному быть в жизни не пристало!

* * *

Признаться, верилось порой,
Что есть конец заботам в буднях
И что настанет день такой,
Когда их у меня не будет.

Но лишь справлялся я с одной,
Как неожиданно другая
Вставала вновь передо мной,
Покоя сердцу не давая...

И понял, что такого дня,
Когда забот в помине нету,
Не будет вовсе у меня
На этом беспокойном свете.

И повторяю трижды: «Пусть!
Я все беру без исключения:
Заботы соль, раздумья грусть
И радость тихую свершенья!».

ВИНА ТОВАРИЩА

Ему бы легче было, но смолчал
Боясь упреков и обид случайных,
Что высказаны будут сгоряча...
И он вину свою оставил втайне.

Но время шло. Узнали все вокруг,
Что он неправду говорил когда-то,
И больше не протягивали рук
При встрече с ним знакомые ребята.

Они смотрели холодно в глаза.
Тогда ему впервые страшно стало.
О, как бы он теперь им все сказал,
Не скрыл бы тайны даже самой малой!

Но время для раскаянья прошло.
А может, нет? Как примется признание?
Бывает покаянье тяжело,
Но тяжелей друзей негодованье.

* * *

В его глазах — мне показалось —
В тот миг из глубины, со дна,
Спокойная сквозила радость,
Раздумьями затенена.

И в этом легком затененьи
Возможно было уловить
Намек на зревшее решенье
О новом деле, может быть.

И трепетало в том намеке
Удачи новой торжество,
Пока в предчувствии, до срока...
Так прочитал я взгляд его.

Иль в чем-нибудь ошибся, может?
Но нет, готов поспорить я,
Что славным парнем был прохожий,
Мелькнувший около меня.

* * *

Когда тебе шестнадцать было,
Щемило радостно в груди.
Но ты берег стесненно силу
Для дел, что ждали впереди.

Шло время. Минуло и двадцать.
Но ты, как раньше, что-то ждал
И за какое дело взяться,
Ты и тогда еще не знал.

То тут служил, то там работал,
Учился тоже кое-как,
За все ты брался без охоты,
Все думал: нет, не то, не так.

Друзья уж сделали немало,
А ты чего-то ждешь один.
И ожидая так, пожалуй,
Ты доживешь и до седин.

Небеса под ногами, а вовсе не лед
На березовом нашем бульваре.
Я скольжу неуклюже, и мне подает
Руку первый попавшийся парень.

«Эй, не падать, товарищ! Покрепче держись!
Под тобою, браток, не солома...»
Сколько раз вот такое за всю свою жизнь
Я слышал от людей незнакомых!

Без докучных расспросов, откуда и чей,
Помогали с душою открытой.
И я понял, — надежней, чем руки друзей,
Нет опоры такой и защиты!

* * *

Бывает так: за дружеским столом
Усядутся товарищи мои
И запоят о братстве фронтовом,
Припомнив отгремевшие бои.

Немало песен сложено у нас
Не хуже этой, старой, может быть.
Но первой категории запас
Ее никак не может позабыть.

Я знаю эту песню, но молчу:
По молодости не был на войне...
Друзья меня ударят по плечу
И, приглашая, закивают мне.

Тогда, как равный, подтяну я им.
Ведь в самом деле мы равны сейчас,
В одном ряду, в одном строю стоим:
Все — первой категории запас!

* * *

Как хорошо усталым быть
И жгучий чай из кружки пить!

Уже спешить не надо мне —
Над крышей звездочка видна.
Но память о минувшем дне
Хранят и плечи и спина.

Они припоминают гнет
Обманчивого рюкзака,
И пыль дорог, и солнца взлет..
Но эта память коротка.

Она лишь только до утра,
До первых пригоршней воды,
Воды студеной из ведра —
И смыты враз ее следы!

Другая память мне мила —
Она в сердцах людей легла.

ЧУЖОЙ

Окончив университет,
Он заглянуть решил домой
В негромкий свой колхоз «Привет»,
Где жил отец, печник простой.

Вот перед ним уже вокзал.
Сюда брезгливо он вошел
И, оглядевшись, не признал
Попутчиков из ближних сел.

Как будто он впервые здесь,
Как будто с многими из них
Не бегал он, мальчишкой, в лес,
Не жег костров в лугах ночных...

Сел на подводу — и в село.
Вот старый дом и палисад.
Смешное детство здесь прошло,
Здесь все — как много лет назад.

Он, улыбнувшись, в дом шагнул.
Отец — навстречу, торопясь.

К ногам упал задетый стул.
Пускай! Не до него сейчас.

— Ну, как ученье?

— Наконец, закончил университет...

— Ну, поздравляю — молодец!..

Эх, жалко: матери-то нет,

Не дожила, а то б она
Теперь гордилася тобой...
В стаканы доброго вина
Скорей налил отец седой.

Разговорились обо всем:
О пятом курсе, о делах.
О новостях в краю родном,
О лучших девушках села.

Отец на свадьбу намекал,
А сын кривил губу в ответ,
Я, дескать, подожду пока,
Да и невест по мне здесь нет.

Отец сказал: «Село растёт,
Жить стало лучше, веселей,
Из городов пришел народ,
И ты остался бы в селе».

Сын головою покачал
Да рассмеялся лишь в ответ:
Уж, дескать, верно — стар, что мал —
Я ж кончил университет!

... А вечером пошел он в клуб.
Из окон музыка лилась.
Он тронул галстук, тронул чуб,
Морщинки сдвинул возле глаз.

Увидел в хоре паренька,
На пиджаке знакомый знак,
Гость прошипел издалека:
«Окончил вуз, а здесь... Чудак!»

И пошагал скорей назад.
Вот перед ним знакомый пруд,
С дорожками тенистый сад.
Он постоял с тоскою тут,

Взглянул на звездный небосклон,
И вдруг над самой головой
В густых ветвях услышал он
Тревожный шум: чужой, чужой.

Он, вздрогнув, двинулся в поля,
Но только встал над бороздой,
Ячмень, усами шевеля,
Зашелестел: чужой, чужой.

Он, спотыкаясь в борозде,
В луга пошел, потом домой...
Куда б ни тронулся, везде
За ним несло: чужой, чужой!

* * *

Опять шумит, шумит пожар зеленый,—
Его не гасят пенные дожди.
Леса, поляны и речные склоны —
В цветеньи всё, на что ни погляди.

В горячих полднях бронзовеют сосны,
Темнеют липы и роняют мед,
И лишь к березкам в далях сенокосных
Загар опять никак не пристает.

В СЕНОКОС

С командировкою в кармане,
С плащом помятым на руке
Ты с парохода утром рано
В село заходишь налегке.

Пройдешь по улицам — пустынно,
В конторе — тоже тишина.
В тени прохладной возле тына
Сидит дежурная одна.

— Мне к председателю бы, — спросишь.

Ответ предвидишь по глазам:

— А он уже на сенокосе...

— А заместитель?

— Тоже там...

Трава во всей красе и силе —
Бредешь, плывешь, как по волнам.
Зеленым, желтым, белым, синим
Кипит и плещется она.

И в этой шири, в этой дали,
Умывшись потом много раз,
Ее под корень люди валят
Сплеча, сразмаха, торопясь...

И пусть ты здесь в командировке,
Но не удержишься никак —
Возьмешь хотя б на час литовку
И вдаль пойдешь за шагом шаг...

НА РОДИНЕ

В траве едва заметная дорога
Опять в тот край призывно повела,
Где каждый кустик говорит о многом,
Где каждая мне просека мила.

Вот здесь когда-то спелую малину
Мы осыпали щедро в кузовки.
Тогда здесь были елочки... А ныне
Стоят стволы прямы и высоки.

А здесь когда-то рыжики искали,
И помню хорошо, как вечером
Мы жгли сухой валежник на привале
И шли травой росистой босиком.

А ныне тут дорога и такая,
Что под ногами лишь песок шуршит.
Следы колес тележных приминая,
Бежит узор автомобильных шин...

Но мне сейчас, пожалуй, не обидно,
Что нет уже тех просек и дорог,

Что тех полян и елочек не видно,
Где я костры с друзьями в детстве жег.

Ведь мы и сами уж другие ныне:
Тот в армии, тот кончил институт,
Тот выше туч летает на машине,
О том уж песни девушки поют.

И оттого мне любо, что когда-то
Они родились, как орлы росли
Не где-то там, за морем тридесатым,
А здесь, где пахнет хлебом от земли.

* * *

Растаял снег. Краснеет клюква снова.
Под солнечными соснами она
На вымытых подушках мха сырого
Лежит теперь чиста, сладка, сочна.

Она томилась много дней в подвалах
Сугробов, и косматых, и глухих,
Нетронутую свежесть их впитала,
Узнала леденящий холод их.

... И мне теперь бы ягод тех отведать,
Взглянуть на половодье и опять
Пройти знакомым, прошлогодним следом,
Весенним ветром вдоволь подышать.

* * *

Над землей голубизна какая!
Невозможно на нее взглянуть.
Льдины, друг на друга набегаая,
В мутных водах пробивают путь.
На проспекте, шумном и нарядном,
Девушки с лотками там и тут
Сливочный, молочный, шоколадный
Первосортный холод продают.
Грузовик летит по лужам чистым,
Вылитым как будто из стекла.
Брызги разлетаются со свистом,
Словно два сверкающих крыла...
Вновь весна. И всюду многолюдно,
Неуёмный звон над головой...
Здравствуйте, и праздники, и будни
С полнотою радости земной!

МАТЬ

Пусть дождь сечет все холодней и резче,
Пусть давят грудь заплечные ремни,
Пусть ни машин, ни путников навстречу,
А только елки мокрые одни,

Но я вперед настойчиво шагаю,
Туда, где в старом домике опять
Ты ждешь меня, бессонная, родная,
Не уставая чай подогреть.

Эх, мама, мама! Ты, как раньше, та же,
Хотя зовешься бабушкой давно.
Вот не приду — ты даже спать не ляжешь,
И сколько раз протрешь платком окно.

А в дверь шагну — забудешь все на свете.
Ко мне приникнешь, слова не найдешь.
Потом смахнешь слезинки незаметно
И скажешь: «Не замерз ли? Ну и дождь...».

Засуетишься с радости, не зная,
Чем поскорее сына угостить:
Иль пирогом, иль молоком, иль чаем,
А, может, лучше баньку истопить?

И об одном и том же в этот вечер,
Рассеянная, сколько спросишь раз.
На все вопросы я тебе отвечу,
Как ты учила, честно, не таясь...

Пусть дождь сечет все холодней и резче,
Пусть на пути ручьи бурлят рекой,
Пусть больно ноют стянутые плечи,
Но я иду к тебе, — и мне легко.

* * *

Мне ничего с собой не надо,
Лишь палка легкая в руке.
Какая тихая отрада
Брести по лесу налегке!

Глотками питьдыханье сосен
И различать, когда порой
Несмелый ветер вдаль уносит
Другие запахи с собой.

Повеет вдруг свежо и нежно
Росистым веником в тени.
И я взгляну: березки где же?
Вокруг лишь сосенки одни.

И, наклонясь, густую чащу
Я исхожу тогда насквозь,
И разгляжу чету блестящих
В лучистом трепете берез.

Присяду в их тени неброской,
И станет ясно слышно мне,
Как кто-то звонко на повозку
Дрова бросает в стороне.

Сверну туда, и неизвестный
Парнишка будет встрече рад.
Мы постоим, покурим вместе,
Поговорим, как с братом брат.

Я класть дрова охотно стану,
Потом дорогою лесной
Пойду спокойный и усталый,
Расставшись с ним, к себе домой.

* * *

Мы только вместе посидели
Возле вагонного окна
Да на торжественные ели
Полюбовались дотемна,

Мы только вместе спели песню
В кругу попутчиков-друзей
Да поиграли в шашки вместе,
Чтоб ехать было веселей.

Мы только вместе на вокзале
Каких-то несколько минут
Машин попутных поискали
И насовсем расстались тут.

И все как будто бы... Так что же
Меня который день подряд
Тоска неясная тревожит
И мучит тот последний взгляд,

И тот платок, и вздох глубокий.
Пойми, узнай — о чем, о ком?
Не обо мне ли ненароком,
А, может быть, и о другом...

Вот так бывает — ветер вешний
Качнет над речкою ивняк,
И после долго тот трепещет,
Не успокоится никак.

* * *

Поверишь ли, здесь не природа — чудо!
Иди любой дорогой и тропой —
Березняки и ельники повсюду
Шумят гостеприимно над тобой.

В прохладном мху, в суровом белоусе,
Под хрупкими валежинами ты
На спрятавшийся рыжик полюбуйся,
На нем роса, опавшие листья...

Усыпан лес грибами и брусникой...
Ну, а пойдешь по просеке назад —
Седые нитки паутины липкой
На рукавах и в чубе заблестят.

Вот и река. Подъязыки плещут сонно.
Вода, как деготь, у кустов черна.
А наклонись и зачерпни ладонью —
Светлей и чище хрустала она.

И пахнет чем-то свежим, свежим всюду,
Куда б ни шел — на речку или в лес...
Да, здесь природа, в самом деле, — чудо,
Но без тебя мне очень грустно здесь.

* * *

Я сегодня спать не мог несколько,
Долго слушал, сидя под окном.
Как скворец свистел, звенел и щелкал,
Мне напоминая об одном.

Помнишь, речки мутные кипели
И срывали мостики, плоты,
На проселках снег держался еле,
Утопали на лугах кусты.

Оступись — и по колено сразу —
Ни дороги нету, ни пути...
Ну, а я решил к тебе на праздник,
За пятнадцать верст к тебе придти.

Звало сердце — я не мог иначе.
Тосковал я по тебе одной.
И скворец, желая мне удачи,
Песенку повесил надо мной.

Где в обход, где — по тесинам жидким.
Ну, а где помельче — прямо вброд.
Хоть промок я до последней нитки,
Всё равно упорно шел вперед...

... С той поры немало весен прожил.
А сегодня мог бы, как тогда,
Ринуться к тебе по бездорожью?..
Да!

* * *

В сосновый бор зашли они,
Прохожих сторонясь.
И обнялись в густой тени,
Быть может, в первый раз.

А рядом я, возле сосны,
Сидел на мшистом пне.
И были явственно слышны
Их поцелуи мне.

Я, человек нехолостой,
Припомнил в этот миг
И встречи первые с тобой,
И наш — в стихах — дневник.

И то, как мы в бору таком
Бродили по весне —
Все, все припомнилось легко,
И стало грустно мне.

И захотелось, чтоб верней,
Надежней, лучше нас
Хранили в памяти своей
Они вот этот час.

В КЛУБЕ

Нет спасу — хлещет проливной
Который день подряд.
Дороги тонут под водой,
В полях ручьи бурлят.
Но в сельском клубе как всегда
И шумно, и тепло.
Под вечер собралось сюда,
Наверно, всё село.
Послушать лекцию опять
Пришел и стар и мал.
Уже пора бы и начать,
Да лектор запоздал.
А по окошку всё сильнее
Сечет холодный дождь,
А ветер рвет крючок с дверей —
Куда сейчас пойдешь?!
Куда пойдешь в такую муть,
Чтоб встретить на пути,
Помочь ручьи перешагнуть
И к клубу привести.

И кто-то вымолвил тогда:
— Уж, видно, не придет.
Ведь не погода — а беда...
В ответ вздохнул народ.
Но в этот миг возле окна
Послышались шажки. —
И вот — докладчик! Вот она,
Как будто из реки.
В дверях мокрёшенька стоит,
Смущается идти.
Ей, статной, радостной, на вид
Не больше двадцати.
И в зале вдруг один хлопок,
Потом второй, потом
Летит под белый потолок
Аплодисментов гром.
Она кивает головой:
Мол, начинать пора.
И пусть бушует проливной
Теперь хоть до утра!

ДОБРЫНЯ

Я встречал немало знаменитых
Лесорубов в нашей стороне,
Но такого, как Дубков Никита,
Не видал ни разу и во сне.

Добрая молва и даже песни
Далеко разносятся о нем.
Мы теперь Никиту повсеместно
Просту Добрынею зовем...

Спрашиваю, как найти Дубкова?
Отвечают — трассою прямой,
Ну, а там спросите у любого,
Где Дубков — покажет вам любой.

Вот и трасса. Лес уперся в тучи.
Елка к елке выстроились в ряд,
Мхи на прутьях, на стволах могучих,
Как седые бороды, висят.

Спрашиваю и вперед шагаю —
Тракторы, лебедки на пути...

Лес гудит от края и до края —
И легко, и радостно иди.

И выходит лесоруб навстречу —
Я смотрю, не веря, на него.
Парень невысокий, узкоплечий,
Сказочного нету ничего!

А как сбросил жаркий полушубок,
Взял привычно электропилу.
Прикусил обветренные губы
И шагнул к высокому стволу —

Дрогнули нахмуренные ели,
Зашептали в тишине лесной
И, свистя ветвями, полетели
На пуховый снег передо мной.

А Никита все быстрее, все легче
Продвигался в ельнике густом.
Редкой силой наливались плечи
И глаза горели озорством.

Со стволов пила сбивала иней,
Запевала под его рукой...
Да, Дубков, — действительно, Добрыня!
И какой!

ПОСЕЛОК МОЛОДЫХ

Ник. ЗАДУМКИНУ

Леса стояли, как озера
С большой зеленой глубиной.
На дне нетронутого бора
Держался властно дух грибной.

И вот сюда, раздвинув сосны
Горячей сталью топоров,
Пришла бригада крепких, рослых
Парней с утихнувших фронтов.

И был среди парней скуластых
Один всех старше и живей.
Над картой он склонялся часто,
Сдвигая крылышки бровей.

Бродил в тени стволов гудящих,
Искал, где лучше бы в глуши
Вот эти сумрачные чащи
Стальной строчкою прошить,

Чтобы она запела гулко
Под бойкой тяжестью колес,
Чтобы в зеленых закоулках
Стократно эхо отдалось.

Потом к нему из дальней дали,
Где ждали бревен города,
Нежданно девушку прислали
Дорожным мастером сюда.

Она пришла к нему под вечер,
И в окружении ребят
Он вышел, радостный, навстречу
И вспомнил тут, что бородат.

И что немного ватник порван
(Зашить он во-время не мог),
И за спиной друзей проворно
Ладони вытер о платок.

... Стволы валились, задевая
За солнце шапками вершин.
Все дальше просека прямая
Лес раздвигала, словно клин.

А сапоги по швам поролось
От рыжей грязи у парней,
И осипал от стужи голос,
И становился взгляд грустней.

Когда делили ломоть черствый,
Вставая утром, на троих,
И собирали крошки в горсти,
И запивали чаем их.

Тогда, случилось, хлеборезы
Старались, будто невзначай,
Побольше мастеру отрезать
И ей подать послаще чай.

А тот, что старшим был в бригаде,
Краснел, не зная почему,
Когда она садилась рядом
И подавала хлеб ему.

Серьезно ль, в шутку ль говорила,
Что враз такой кусок она,
Пожалуй, съесть никак не в силах,
И, дескать, помощь ей нужна.

Никто не верил в это слепо,
И спорить каждый был готов,
Что дело тут совсем не в хлебе,
А в чем, понятно и без слов.

Ведь все, конечно, замечали,
Как старший девушку берег —
Костер студенными ночами
Он для нее бессонно жег.

И потому без всякой лести
Решили парни в память их
Вот этот вырубок безвестный
Назвать поселком Молодых.

А ныне пара молодая
В других лесах уже давно.
А точно где — никто не знает,
Но это, впрочем, все равно.

Вдали, тесня на север чащи,
У полотна дорог стальных
Обыкновенный, работающий
Стоит поселок Молодых.

И катят звон пути стальные,
Не затихают никогда.
Отсюда днем и ночью ныне
Уходят с лесом поезда.

И домик к домику — все дале
С хлевком, стожком, с брусом гряды...
И помнит старый, знает малый
Тех безымянных молодых.

... И я хотел бы, друг хороший,
Чтоб наша жизнь не зря прошла
И чтоб у нас с тобою тоже
Вот так не старились дела,

И чтоб, услышав наше имя,
Припоминали люди нас,
Простыми, честными, прямыми
И молодыми всякий раз.

СОДЕРЖАНИЕ

Кругом вода сильна, нетороплива...	3
Отец мой был порою молчалив...	4
Заговорят о красоте России...	5
Корреспондент	7
Вдалеке от суматошных станций...	8
Секретарь райкома	10
Счетовод	12
Трое	14
Уж много дней, как сердится сосед...	16
Домашняя хозяйка	17
С капустою на рынок городской...	19
Родные места	20
Встреча	21
В сиянье будущего дня...	23
Нет ничего на свете горше...	24
Цветная шапка абажура...	25
Я только вспомнил...	26
Признаться, верилось порой...	27
Вина товарища	28
В его глазах...	29
Когда тебе шестнадцать было...	30
Небеса под ногами, а вовсе не лед...	31
Бывает так...	32
Как хорошо усталым быть...	33
Чужой	34
Опять шумит, шумит пожар зеленый...	37

В сенокос	38
На родине	40
Растаял снег...	42
Над землей голубизна какая...	43
Мать	44
Мне ничего с собой не надо...	46
Мы только вместе посидели...	48
Поверишь ли, здесь не природа — чудо...	50
Я сегодня спать не мог нисколько...	52
В сосновый бор зашли они...	54
В клубе	55
Добрыня	57
Поселок Молодых	59

Александр Александрович РОМАНОВ

ПРИЗНАНИЕ ДРУЗЬЯМ

Редактор *С. В. Викулов.*

Обложка *С. В. Кулакова.*

Техн. редактор *Л. И. Шацкий.*

ГЕ02859. Подписано к печати 10. 8. 1956 г.

Бумага $70 \times 1081/32 = 1$ б. л., 2,74 п. л., 1,5 уч.-изд. л.

Тираж 3000.

Цена 1 руб.

Заказ 3863.

Областная типография, Вологда, ул. К. Маркса, 70.